

ЖЕСТОКОСТЬ В НАШИХ ОТНОШЕНИЯХ ДОМИНИРОВАЛА

Сегодня. - 1995 - 31 янв. - с. 9.

ФОТО ИЗ АРХИВА АРКАДИЯ СВИДЕРСКОГО

Владимир Конкин

То, что я сыграл Шарапова, — это прежде всего заслуга Станислава Сергеевича Говорухина. Все остальные были категорически против моего участия в этой картине, но Говорухин меня отстоял.

Помню, в один из первых наших разговоров он объяснял: «Понимаешь, мне нужна антитеза Жеглову. Зная характер Высоцкого — напористый, пружинистый, с шипами, я убежден, что он просто создан для роли Жеглова. А в тебе есть то, что я увидел еще в «Как закалялась сталь». Там ты строил узкоколейку и махал пашкой, но в тебе чувствовалась интеллигентность, породе. Кувалду ты сжимал тонкими, чуткими руками. Вот твоя интеллигентность и необходима мне в качестве противовеса напору, натиску и темпераменту Высоцкого. На этом контрасте я и хочу строить ваш дуэт».

Но ни братья Вайнеры, ни телевизионное руководство не приняли такую трактовку и такого Шарапова. Для меня это оказалось достаточно тяжелым ударом. Но Говорухин продолжал доблестно отстаивать меня во всех инстанциях, на всех уровнях. «Подождите, — убеждал он, — начнется работа, а там посмотрим...»

И работа началась, но первые результаты тоже никому не понравились. Тогда вдруг, совершенно неожиданно, Станислав Сергеевич сказал фразу, которая меня просто сразила наповал: «Володя, ты меня предаешь! Я так тебя отстаивал, а у нас ничего не получается...»

Наверное, Говорухин не хотел меня обидеть. Должно быть, слово «предательство» для него значит гораздо меньше, чем для меня. Но я почувствовал себя уязвленным, униженным — как будто пощечину получил. И впервые отчетливо понял: никому я в этой картине не нужен.

Тогда я тихо собрал свой чемодан и уже решил было уезжать, как вдруг в дверь моего гостиничного номера постучался Виктор Павлов, с которым мы должны были сниматься в прологе фильма. Этот пролог был в сценарии, но не вошел в картину: там мы показывали кусочек фронтовой биографии Шарапова и Левченко (эту роль как раз и играл Павлов). Потом пролог почему-то вырезали и, наверное, правильно сделали: в результате встреча Шарапова и Левченко в пятой серии картины вышла более неожиданной, более напряженной и психологически сильной...

Так вот, Витя Павлов спрашивает: «Чего это ты чемодан собрал?» «Да вот, Вить, уезжаю я. Не могу больше работать в такой обстановке, когда все тебя не любят, не понимают, а теперь еще и в предательстве упрекают. Да и Высоцкий давит, как танк, ничего не слушает, тянет одеяло на себя...» А именно так и было, чего скрывать? Не знаю, может, кому-то и приятно, когда на него орут. Мне приятно не было, у меня просто руки опускались... Другая порода, понимаете? Не толстокожий я, что ж поделаешь.

А Вите Павлову я буду по гроб жизни благодарен. Он взял сценарий и говорит: «Ладно, давай пойдем подышим. На поезд ты еще успеешь, я тебя даже провожу». Мы вышли на улицу. Смеркалось. А неподалеку от нашей гостиницы был то ли институт марксизма-ленинизма, то ли еще что-то в этом роде, и там стояли на пьедесталах Маркс и Ленин. Вот в этих декорациях Витюша начал читать сценарий. Как смешно было!.. Мне и в голову прийти не могло, что это, оказывается, просто комедия, водевиль, канкан на тему борьбы с бандитизмом! По крайней мере в интерпретации Витюши все выглядело именно

так. Он вообще прекрасный рассказчик, знаток анекдотов и всяких смешных историй. Как он читал!!! И в обнимку с Карлом Марксом, и в обнимку с Лениным... Я просто умирал от смеха! В общем, ему удалось вырвать меня из атмосферы всеобщей агрессивности, поддержать и успокоить. Мы вернулись в гостиницу, распили бутылочку сухого вина, и я, умиротворенный, заснул. Наутро моих страданий и след простыл, и я уже был готов к дальнейшей работе.

А потом приехал Стас Садульский, и Высоцкий со свойственным ему темпераментом начал давить уже на Стаса. Дело в том, что Владимир Семенович в очередной раз куда-то опаздывал, хотя в свое время и обещал, что будет сниматься только «у друга Славы», в театре останется лишь на «Гамлете», отменит все планы, гастрольные поездки и т. д. На самом же деле он постоянно подводил съемочную группу: то на месяц пропал, то на два. Кто сейчас об этом вспомнит?

Значит, стал он на Стаса давить, тот уже и текст начал от волнения забывать — повторялась та же история, что поначалу и со мной. Но я уже привык, у меня выработалась внутренняя броня...

Я говорю: «Стас, попроси получасовой перерыв...»

А надо сказать, что в первые дни мы снимали сцену в бильярдной, и все местные бильярдисты окружили нас заботой и вниманием. Они то и дело привозили с Привоза помидоры, огурцы, тараньку, шампанское. Высоцкий тогда не пил, а мы иногда пригубляли. Вот и на сей раз они очередную порцию привезли, я запел Стасика за ближайший сарай, где уже был накрыт на земле рушник со всевозможными яствами и бутылкой шампанского. Стас выпил стакачик, другой, а я тем временем ему объяснял: «Успокойся, дорогой, я испытал то же самое, но потом притерпелся».

За эти полчаса Стас пришел в себя, и когда вернулся на съемочную площадку, то был уже совершенно спокоен, только язык немного заплетался — отсюда эта шепелявость у его героя... В общем, он расслабился, блистательно сыграл роль. И выяснилось, что он — очень хороший артист. А так бы его в одну секунду в бараний рог скрутили...

Вообще, в этом отношении картина была достаточно жесткой. Налет «паханства» в ней определенно присутствовал. Все выбрали себе идола, на которого молились. Слово Высоцкого было непререкаемо. Почему?! Так ведь не должно быть, кино — детище коллективное. Но перед Владимиром Семеновичем, царство ему небесное, все плясали на задних лапках. Я ничего дурного сказать не хочу: он был очень одаренным артистом, его песни насыщены уникальным проникновением в суть человеческого бытия и существа. Но если он что-то или кого-то не принимал, то шел в этом своем неприятии до конца. При этом зачастую бывал совершенно не прав... Теперь многие почему-то считают, что мы были друзьями. Увы, нет: жесткость в наших отношениях, к сожалению, доминировала.

Беседовал Михаил НОДЕЛЬ

Исполнители